

НОВОЕ ПРОШЛОЕ / THE NEW PAST

№ 3 2018 • ISSN 2500-3224 • WWW.NEWPAST.SFEDU.RU

ТЕМА НОМЕРА
КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

Из саперов в дипломаты:
К.П. фон Кауфман
(по воспоминаниям современников)

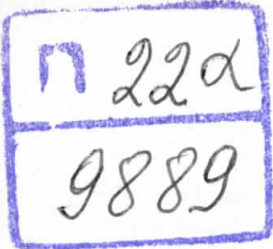
From Sappers to Diplomats:
K.P. von Kaufman in the Caucasus
(Based on Memoirs
of Contemporaries)

Феномен «женского суицидального
терроризма» на Северном Кавказе:
генезис и трансформация

Phenomenon
of a "Female Suicide Terrorism"
in the Northern Caucasus:
Genesis and Transformation

Дискуссия:
Past Indefinite: историческая память
и политика на Северном Кавказе

Discussion:
The Past Indefinite:
Historical Memory and Politics
in the North Caucasus

НОВОЕ ПРОШЛОЕ / THE NEW PAST

№ 3 2018 • ISSN 2500-3224

DOI 10.23683/2500-3224-2018-3

Адрес редакции:
344082, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону,
ул. Большая Садовая, д. 33/43, оф. 203

Телефон/факс: +7(863)218-40-05

E-mail: newpast@sfedu.ru
Сайт: newpast.sfedu.ru

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Южный федеральный университет»

344006, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону,
ул. Большая Садовая, д. 105/42

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-63499

Издается с 2016 года

Содержание

ОТ РЕДАКЦИИ

Иванеско А.Е. Кавказские пленники на имперском фронтире [8]

ТЕМА НОМЕРА «КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК»

Андреев А.А. Московские годы жизни князя А.Б. Черкасского [20]

Абазов А.Х. Кавказские судьи Моздокского пограничного суда (1793–1822): каналы социальной мобильности в условиях включения региона в состав России [36]

Почекаев Р.Ю. Из саперов в дипломаты: К.П. фон Кауфман на Кавказе (по воспоминаниям современников) [50]

Прасолов Д.Н. Военная карьера и общественная активность как факторы социального отчуждения на Кавказе: случай генерал-лейтенанта Т.А. Шипшева [68]

Пащенко И.В. Феномен «женского суицидального терроризма» на Северном Кавказе: генезис и трансформация [90]

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Мининкова Л.В. Теория вотчинного государства и особенности российской истории [103]

Исаев Д.П. «Историографическая революция»: метаморфозы понятия в отечественной научной традиции [121]

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Манышев С.Б. «Отправлен на Кавказ для... применения употребления эфира» (Николай Пирогов на Кавказе и становление военно-полевой хирургии в середине XIX века) [138]

Перетягко А.Ю. О причинах экономического кризиса казачества накануне XX в.: динамика цен на казачье снаряжение в 1860–1890 гг. [156]

Гревцова Т.Е. Названия и виды обрядового хлеба в донских ритуалах сватовства и обручения: ареальный аспект [168]

ДИСКУССИЯ

Past Indefinite: историческая память и политика на Северном Кавказе

Модераторы дискуссии: Иванеско А.Е., Урушадзе А.Т. Участники дискуссии: Абазов А.Х., Клычников Ю.Ю., Кринко Е.Ф., Цибенко В.В., Шнирельман В.А. [186]

ИСТОЧНИКИ

Манышев С.Б. «Мы не должны с горцами бороться..., но должны твердо подвигаться к цели...» (Из «Записки о Кавказе» А.И. Менде, 1841 г.) [224]

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Венков А.А. Рецензия на работу: Иванова А. Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 304 с. [250]

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Малышкина М.В., Щипанов Е.Ф. Сотрудничество России и Европы в условиях дигитализации. Международная научно-практическая конференция «Экономические и социальные аспекты развития концепции "Индустрия 4.0": Диалог Европа–Россия» [256]

ПЕРСОНАЛИИ

Апрыщенко В.Ю., Урушадзе А.Т. Возраст историка: к 50-летию Евгения Федоровича Кринко [264]

ТЕОРИЯ ВОТЧИННОГО ГОСУДАРСТВА И ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Л.В. Мининкова

Аннотация. Возникновение теории вотчинного государства в отечественной историографии середины XIX в. было вызвано стремлением уяснить и понять исторические особенности развития Московского государства в эпоху позднего средневековья и в раннее новое время. Основоположник этой теории историк-юрист К.Д. Кавелин выделил вотчинное начало как особую стадию в развитии Руси, когда великое княжество Московское являлось великокняжеской вотчиной. Теория была принята историками. В.О. Ключевский обратил внимание на то, что представление о великом княжестве как о вотчине способствовало объединению русских земель. Но в то же время он отметил, что это оно мешало представить вотчину как государство. Смута, указывал он, способствовала распространению понятия о государстве в русском обществе. Г.В. Плеханов особо подчеркивал в качестве особенности вотчинного государства бесправие подданных вотчинного государя. Он отмечал, что традиции вотчинного государства были в России очень устойчивы и держались долго. Интерес к этой теории проявился и в отечественной историографии конца XX–начала XXI в. Исследователями было указано на соединение в таком государстве власти и собственности. Также было отмечено, что такое государство было примитивным и это определяло его неустойчивость. Происхождение его на Руси связывалось с традицией организации власти в Северо-Восточной Руси и с влиянием Орды.

Ключевые слова: теория вотчинного государства, отечественная историография, вотчина, К.Д. Кавелин, В.О. Ключевский, Г.В. Плеханов, Р. Пайпс, власть и собственность, Россия.

Мининкова Людмила Владимировна, доктор исторических наук, профессор, профессор Института истории и международных отношений ЮФУ, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, lyudmila_mininkova@mail.ru.

THE THEORY OF THE PATRIMONIAL STATE AND PECULIARITIES OF RUSSIAN HISTORY

L.V. Mininkova

Abstract. The emergence of the patrimonial theory of the state in the national historiography in the middle of the 19th century. It was motivated to clarify and understand the historical features of the development of the Moscow government in the late Middle Ages and early modern times. The founder of this theory, historian and lawyer K.D. Kavelin, allocated patrimonial began as a special stage in the development of Russia, when the Grand Duchy of Moscow was a grand-ducal patrimony. The theory was accepted by historians. V.O. Kliuchevsky noted that representation of the Grand Duchy as a patrimony promoted the unification of the Russian lands. However, at the same time, he considered that this representation impeded to image the patrimony as a state. He pointed out that the Smuta has promoted the concept of the state in the Russian society. G.V. Plekhanov emphasized the powerlessness of subjects of patrimonial sovereign as a feature of the patrimonial state. He noted that the very stable tradition of the patrimonial state had been preserving in Russia. Interest to this theory emerged in the national historiography in the late 20th–early 21st century. The researchers considered the compound of government and property in a such state as its peculiarity. It was also noted that such type of state was primitive, and this determined its instability. Its origin in Russia is linked with the tradition of the Northern-Eastern Russian power organization, and with the influence of the Horde.

Keywords: the theory of the patrimonial state, Russian historiography, patrimony, K.D. Kavelin, V.O. Kluchevsky, G.V. Plehanov, R. Pipes, power and property, Russia.

Отечественная историческая мысль нового времени выдвинула в качестве важнейшей проблемы познания российского прошлого вопрос об его особенностях. С особой остротой подобный вопрос стал в условиях культуры эпохи романтизма, когда возникла необходимость осмысления важнейшего события предшествующей эпохи Просвещения – Великой Французской буржуазной революции, ее предпосылок и последствий, ее влияния на другие страны Европы, в том числе на Россию. Кроме того, внимание к этому вопросу было привлечено в связи с восстанием декабристов, которое рассматривалось как результат влияния этой революции на определенную часть русского дворянского общества. События на Сенатской площади со всей остротой поставили вопрос об обосновании невозможности в России революционного пути, и того, что действия декабристов противоречили истории и отечественной исторической традиции.

Результатом стало возникновение теории официальной народности, имевшей свою историческую составляющую, сформулированную М.П. Погодиным. Как указывал М.П. Погодин, весь ход исторического развития России не создавал предпосылок для революционных взрывов наподобие тех, которые потрясли Францию и другие страны Европы. Русская история не знала таких явлений, характерных для Запада, как завоевание и феодализм, напротив, имело место мирное призвание народом варяжских князей, а монархическая власть являлась результатом исторического выбора самого народа. В свою очередь, выбор христианства, сделанный князем Владимиром, был принят народом. Таким образом, в русской истории сложилось органичное единство трех основ: народности, самодержавной власти и православной христианской веры. В таких условиях всякое революционное выступление представляло собой разрыв с началами русской жизни, противоречило всему ходу истории страны.

Вместе с тем было совершенно очевидно, что подобное объяснение не позволяло понять многие стороны внутренней жизни страны, некоторых явлений, которые бросались в глаза стороннему европейскому наблюдателю. Это касалось прежде всего таких сторон, как царская власть, власть и собственность, взаимоотношения общества и власти и между разными слоями общества, формы выражения протеста. Вне учета этих сторон невозможно было составить полное представление об особенностях и причинно-следственных связях российской истории.

Поэтому возникала потребность в другой научной исторической модели, объяснявшей исторические особенности России. Такая модель в отечественной историографии зарождается к середине XIX в. и становится известной в качестве теории вотчинного государства. Но предпосылки ее возникновения складывались в русской общественной и исторической мысли, начиная еще со средних веков. Так, Л.В. Черепнин отмечал, что в исторической и публицистической литературе русского средневековья сложилось «представление о вотчинном характере московского самодержавия» [Черепнин, 1960, с. 15]. Упоминание о Киеве как о вотчине русского царя содержится в Синописе И. Гизеля. Заслугой царя Алексея Михайловича Гизель считал то, что он «искони вечную скиптроносных прародителей его отчину, Царственный той град Киев ... возврати» [Мечта о русском единстве..., 2006, с. 214]. Несколько упоминаний о русских городах

как о вотчинах государя имеется в трудах русских историков раннего нового времени. Цитируя летописи, В.Н. Татищев назвал вотчинами царя Новгород, Псков и Казань, а Н.М. Карамзин — Новгород и Псков. Вотчинником считал московского государя Н.Г. Устрялов. «Власть государя московского ... в наследственной отчине ... была неограниченна: там великий князь был верховным судьей, правителем и законодателем», — указывал он. Но при этом совершенно иным было его положение в Новгородской земле, где, по его словам, «народное вече присвоило большую часть прав князей удельных» [Устрялов, 1997, с. 195]. В этой земле великий князь московский, считал Устрялов, вотчинником не был. Положение вотчинника вообще давало, согласно Устрялову, возможность быть настоящим государем, то есть законодателем, правителем и судьей. Необходимость объяснения исторических фактов, явлений и их причин, соответствовавшая его системе прагматической истории, предполагала обоснование им своего видения понятий вотчинника и государя. Для Устрялова государь мог быть только там, где он занимал положение вотчинника. В рассуждениях Устрялова можно видеть предпосылку для возникновения теории вотчинного государства. Но сам он не делал вывода о вотчинном характере государства великих князей московских.

Таким образом, упоминание о городах и землях как о великокняжеских и царских вотчинах утвердилось в российском историческом сознании и нашло отражение в историографии. Вместе с тем у Устрялова наметились более глубокие рассуждения по поводу соотношения между вотчиной и государством в Московской Руси. Отсюда открывалась возможность для его теоретического обобщения. Для такого обобщения в первой половине XIX в. постепенно сформировалась философская основа, которой стали гегельянство и позитивизм. На основе гегельянства складывался взгляд на историю как на органичный процесс, проходящий в ходе своего развития определенные стадии. Источником такого развития становилось состояние самого сообщества, а внутренние его предпосылки оказывали несравненно более значительное влияние, чем внешние. Каждая из стадий этого развития была исторически обусловлена и наступала как отрицание предшествовавшей стадии. Смена же стадий развития означала качественное изменение самого общества, с отрицанием старых его качеств и приобретением качеств новых. Что касается позитивизма, то в рамках его было обосновано представление о закономерном характере такого развития.

Такая философская основа давала основание для взгляда на вотчинное государство как на закономерную стадию в истории России, которая пришла на место предыдущей стадии, охватывавший большой период от Киевской Руси до объединения русских земель под властью великих князей московских. В свою очередь, стадия вотчинного государства предшествовала новой, более высокой стадии в развитии русской государственности, которая соответствовала выходу за рамки представлений о государстве как о вотчине и началу формирования новых представлений и новой реальности, которой стало государство нового времени. Возникновение теории вотчинного государства в русской историографии стало выражением дальнейшего развития отечественной исторической мысли, в которой проявилось тем самым стремление к научному и рациональному объяснению исторических фактов, явлений и процессов.

Начало теории вотчинного государства в отечественной историографии положил К.Д. Кавелин. Он отошел от сложившейся к тому времени периодизации отечественной истории, в которой на смену киевского периода пришел период удельный, и заменил ее новой периодизацией. В ней развитие страны шло по пути: родовой строй – вотчинный строй – государство. Кратко он выразил ее при характеристике Ивана Калиты. По словам Кавелина, его «небольшая княжеская вотчина через столетие выросла в Московское государство». Этот князь был «в полном смысле князь-вотчинник и смотрел на свои владения как на собственность», причем в таком взгляде «вполне высказался этот новый тип власти, сменившей прежнюю» [Кавелин, 1989а, с. 45]. В характеристике Калиты Кавелин выразил важнейший признак вотчинного государства. Этим признаком было соединение поземельной собственности его как владельца в отношении своей вотчины и государственной власти в его руках.

Вместе с тем Кавелин указал на противоречия, с которыми сталкивались великие князья московские в ходе объединения русских земель. Это были противоречия между интересами государственного объединения и интересами великокняжеской семьи, которые предполагали раздел княжества-вотчины между сыновьями-наследниками. В результате князь становился перед выбором, но все-таки пошел на то, чтобы «пожертвовать семьей государству». Ими «этот шаг был сделан, но не вдруг». В конце концов, московскими князьями «держава, ее нераздельность были поставлены выше семьи» [Кавелин, 1989а, с. 47], – делал вывод Кавелин. Однако уходящее в прошлое вотчинное начало оказало глубокое воздействие на государственную власть в России. «Тип вотчинновладельца, полного господина над своими именьями, лежит в основании власти московского государя», – подчеркивал он. Отсюда и служба в таком государстве означала приобретение статуса «слуги», который означал в Московском государстве «почетный титул», а «начало холопства» [Кавелин, 1989а, с. 48–49] лежало в ее основании. Как историк, глубоко усвоивший основы диалектики Гегеля, в русской истории Кавелин видел закономерный и прогрессивный процесс, а в смене в русской жизни вотчинного начала государственным качественным скачком, причем черты новой жизни органично вырастали из старых ее форм. «Из-под великокняжеской вотчины проглядывает государство» [Кавелин, 1989а, с. 48], – подчеркивал он. Как последователь философии истории Гегеля, Кавелин не избежал идеализации государства в Московской Руси. По его словам, «Московское государство ... приготовило почву для новой жизни». Он показал, в чем состояла эта подготовка: «Улучшение внутреннего управления, судопроизводства, обуздание произвола кормленщиков, законодательство», – такие меры, по мнению Кавелина, позволяли давать государству на русской почве самую положительную оценку. Отсюда позитивная оценка монархов, при которых завершилась эпоха перехода от вотчины к государству. Это, согласно Кавелину, «два величайших деятеля в русской истории, Иоанн IV и Петр Великий: первый ее начинает, второй оканчивает и открывает другую» [Кавелин, 1989а, с. 49]. «Личность – единственная, плодотворная почва всякого нравственного развития» [Кавелин, 1989а, с. 51], – правомерно указывал он. Едва ли вместе с тем ясно, как деятельность Ивана Грозного, высказывавшегося о своем полном и

неограниченном праве жаловать и казнить своих холопов, способствовала становлению и развитию личности. В апологетике Ивана Грозного и Петра I заключалась наиболее спорная сторона рассуждений Кавелина, который сделал вывод существенного теоретического значения об исключительно большой роли вотчинного начала на пути становления Московского государства.

С точки зрения Кавелина, вотчинное государство было великорусским явлением. Он не соглашался с тем, что в формировании такого государства сказывалось влияние монгольских завоевателей. «Учреждений у татар мы никаких не заимствовали, да и трудно было их заимствовать у победителей и господ, которые правили нами издавна» [Кавелин, 1989b, с. 203], — писал он. Такой взгляд был вполне гегельянским, поскольку, в свете философии истории Гегеля, внутренние причины, а не внешнее воздействие, оказывало решающее влияние на исторический процесс.

Вместе с вотчинным государством, по мнению Кавелина, возникло самодержавие. По его словам, оно «родилось с Великороссией. Андрей Боголюбский был такой же самодержец, как Всеволод Большое Гнездо, как московские великие князья и цари до смутной эпохи» [Кавелин, 1989b, с. 251]. Для него понятия самодержавия и вотчинного государства были в значительной степени тождественными. Но самодержавие, по мысли Кавелина, пережило вотчинное государство. Вотчинное государство в России ушло в прошлое в конце XVII в. Но самодержавие продолжалось и при Петре I. Он «придал ему свою деятельность, свою личность, свою жизнь новый характер» [Кавелин, 1989b, с. 251], — отмечал он. Более того, самодержавие не мешало Петру I провести «окончательное вступление России в политическую и международную систему Европы» [Кавелин, 1989b, с. 250].

Дальнейшее развитие теории вотчинного государства в отечественной историографии принадлежало В. О. Ключевскому. Интерес его к этой теории был не случаен. В этой теории сочетались экономическая, правовая и политическая история, историческая психология, а также историческая биографика, причем ни одна из этих сторон не может быть исключена без ущерба для понимания сущности сложных процессов в период существования Московского государства. Ключевский признавал воздействие на ход русской истории всех этих факторов. Принимая основные положения теории вотчинного государства, выдвинутые предшественниками, В. О. Ключевский указывал, что «в московском князе XIV–XV вв., даже великом князе, было ... много частного владельца, закрывавшего собой государя» [Ключевский, 1957a, с. 33]. Но вместе с тем Ключевский ставил по существу новую проблему взаимодействия в ходе объединения русских земель вокруг Москвы двух начал — вотчинного и государственного. «Вобрав в состав своей удельной вотчины всю Великороссию и принужденный действовать во имя народного интереса, московский государь стал заявлять требования, что все части Русской земли должны войти в состав этой вотчины» [Ключевский, 1957a, с. 116], — указывал историк, говоря об объединительной политике Ивана III. Следовательно, интересы Ивана III как вотчинника и как московского государя не только совпадали, но и стимулировали активность проводившейся великокняжеской властью на рубеже XV–XVI вв. объединительной политики. Вотчинные

интересы этого великого князя, обращал при этом внимание Ключевский, были причиной активной его политики в отношении Литвы.

Представление о вотчинном начале способствовало объединению русской народности в составе Московского государства, отмечал Ключевский. Но оно препятствовало распространению понятия о государстве как о новой форме общественного единства. По словам Ключевского, «ни из чего не видно, чтобы Иван III понимал отчину как-нибудь иначе, не так, как понимали эту форму его удельные предки» [Ключевский, 1957а, с. 127], а «новые обязанности, которые ложились на него как на поставленного свыше блюстителя благ народа», «он сознавал, хотя и смутно» [Ключевский, 1957а, с. 128]. В сознании московских государей он отмечал «колебание между двумя началами или порядками». Произошло раздвоение их личности, и в ней «начинают бороться вотчинник и государь, самовластный хозяин и носитель верховной государственной власти». Это, по мнению историка, в конечном счете, привело «государство к глубоким потрясениям, а династию собирателей – к гибели» [Ключевский, 1957b, с. 128].

Как подчеркивал Ключевский, представление о государстве как о вотчине, что «Московское государство ... есть государство московского государя, а не московского или русского народа» [Ключевский, 1957b, с. 52] прочно утвердилось в массовом сознании. Народ поэтому не мог принять в качестве законных царей избранного на престол Бориса Годунова, «тогда как один призрак природного царя в лице пройдохи неведомого происхождения успокаивал династически-легитимные совести и располагал к доверию» [Ключевский, 1957b, с. 54]. Обратной стороной подобного представления был взгляд на положение народа в таком государстве. «По отношению к царю все его подданные считались холопами, дворовыми его людьми, либо сиротами, безродными и бесприютными людьми, живущими на его земле» [Ключевский, 1957b, с. 68], – справедливо подчеркивал В.О. Ключевский. Отсюда, замечал он, исходили особенности сопротивления народа власти. Одна форма протеста используется подданными, которые «восстают» против власти, но не покидают государства, «потому что не считают его чужим для себя». В Московском государстве было по-иному: «народное недовольство ни разу не доходило до восстания против самой власти». Народ «выработал особую форму политического протеста», когда люди не восставали против государства, но «выходили из него, "брили розно", бежали из государства» [Ключевский, 1957b, с. 52].

По мнению Ключевского, события Смуты способствовали постепенному изживанию в массовом сознании представлений о вотчинном государстве. Объяснял он это тем, что за время Смуты русское общество убедилось: «государство, по крайней мере некоторое время, может обойтись без государя, но ни государь, ни государство не могут обойтись без народа». Тем не менее, прямо о завершении после Смуты существования вотчинного государства Ключевский не утверждал. Тем более, что некоторые источники свидетельствовали о продолжении существования в России вотчинного государства после Смуты. В значительной мере это нашло отражение в Уложении царя Алексея Михайловича. Согласно статье 25 из главы 10 «О суде», предписывалось «не судити и никаких дел в приказах не делати, опричь

великих царственных дел», не только в дни главных церковных праздников и «в день рождения государя», но и в дни рождения «его благоверные царицы и великие княгини Марьи Ильиничны, и их благоверных чад» [Российское законодательство, с. 106]. Упоминание в законодательстве родственников царя, как подчеркивал историк-юрист Г.Г. Тельберг, является существенным признаком вотчинного государства [Тельберг, 1912, с. 104]. Это было показателем того, что представление о государстве как собственности государя и всей его династии не было изжито.

Свидетельством широкого признания теории вотчинного государства на рубеже XIX–XX вв. было включение ее положений в лекционные курсы не только В.О. Ключевского, но и С.Ф. Платонова [Платонов, 1983] и М.К. Любавского [Любавский, 2002а; Любавский, 2002b], в учебное пособие Е.Ф. Шмурло [Шмурло, 2005]. К этой теории проявили интерес историки-марксисты. Привлекательность ее для них объяснялась тем, что с позиций этой теории открывались возможности для обстоятельной критики некоторых традиционных сторон российской государственности, которые дожили до эпохи буржуазных реформ в качестве пережитка, а отчасти сохранились и позже. Принимая положения этой теории, Н.А. Рожков указывал, что в Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. «хозяйство и социальный строй проникнуты были одним основным, вотчинным принципом: хозяйство организовывалось хозяином-вотчинником земли, в социальных отношениях главную роль играла неразлучность политических прав с правом собственности на землю». Поэтому «управление княжеством рассматривалось как простой вид хозяйственной деятельности князя, который и в этой сфере старался всюду проникнуть своим хозяйским глазом, стремился вникнуть во все подробности подчиненного управления» [Рожков, 2010, с. 231]. Заметно принципиальное отличие взглядов Рожкова на вотчинный порядок управления по сравнению с взглядами Кавелина. Если с точки зрения историка-юриста Кавелина история России как процесс выражался в развитии и смене государственных форм, то для историка-марксиста Рожкова государственная форма и государственное управление были лишь одной из составных частей экономической деятельности князя-собственника земли как важнейшего средства производства. Собственность на средство производства, в соответствии с марксистской социальной метатеорией, определяла политическое устройство. Осуществление же собственником властных полномочий вытекало из самих отношений собственности на землю-вотчину.

Рожков противопоставлял вотчинное государство на Руси, относя его к удельному периоду ее истории, и самодержавие. По его мнению, зарождение самодержавия относится «к концу удельного периода, когда обнаружились первые слабые ростки его». Начало его он отнес к концу XV–середине XVI в., когда был «первый, зачаточный период развития самодержавной власти русских государей» [Рожков, 2010, с. 390]. Он, таким образом, полагал, что в это время имели место два процесса: уход в прошлое системы вотчинного государства и формирование самодержавия. С середины XVI в., когда Иван Грозный уже носил титул царя и начались реформы Избранной Рады, вотчинного государства, по мнению Рожкова, уже не было. Подобная точка зрения отличалась от взглядов В.О. Ключевского, который считал,

что изживание такого государства происходило не при царе Иване Васильевиче, но в результате потрясений Смутного времени. Рожковым приводилась аргументация в пользу своей точки зрения. Заключалась она в том, что происходил резкий разрыв с прежней «административной техникой», которую породила «политическая сторона верховной власти и высшего управления в России до конца XV века» [Рожков, 2010, с. 247], имевшая место в вотчинном государстве. Аргументация представляет определенный интерес. Но на основании техники управления сложно судить о процессах, относящихся к сущности государственного строя страны.

Самый большой интерес к теории вотчинного государства проявил Г.В. Плеханов в своем фундаментальном труде «История русской общественной мысли». С позиций этой теории он раскрывал вопрос о политическом строе России и о положении человека в такой политической системе. При характеристике такого государства Плеханов обращал внимание не только на сложившуюся в отечественной историографии традицию, но на оценку его известным французским политическим мыслителем второй половины XVI в. Ж. Бодэном. Это объясняется тем, что в условиях назревавшей революции, актуализации вопроса о политическом строе и демократических свободах Плеханова привлекла точка зрения Бодэна о непосредственной связи между вотчинной монархией и отсутствием личных свобод. Как указывал Плеханов, важнейшим признаком вотчинной монархии является, «по учению Бодэна, отсутствие у подданных свободы распоряжения как своей личностью, так и своим достоянием» [Плеханов, 1925, с. 165]. Плеханов тем самым ставил отношения собственности подданных вотчинного государя, на один уровень с отношениями, возникавшими на почве личной несвободы. В таком подходе проявилось творческое отношение Плеханова к теории марксизма. Так, ее важнейшим положением является то, что надстроечные явления, к которым относится государственная власть, строятся на прочной основе экономического базиса общества, который, в свою очередь, определяется характером собственности. Вместе с тем в рамках марксистской метатеории признавалась относительная самостоятельность надстроечных явлений, в частности, государственной власти, по отношению к экономическому базису. В вотчинном государстве, как обращал внимание Плеханов, отношения собственности, представлявшие собой базисное явление, оказывались в зависимости от характера власти вотчинника-князя как явления надстройки. Конкретным выражением этого являлся условный характер собственности подданных вотчинного государя, которая могла существовать лишь при согласии государя. Таким образом, сущность такого государства ставилась Плехановым в зависимость от положения населения по отношению к власти. Находило оно выражение в отсутствии такого права частной собственности, как это было в абсолютных монархиях западноевропейских стран. В этой связи Плеханов справедливо замечал: «Абсолютная власть показала бы французскому третьему сословию несносным игом, если бы государь вздумал обращаться с имуществом своих подданных и с ними самими так, как обращается вотчинный монарх в своей стране» [Плеханов, 1925, с. 167].

Плеханов указывал на социально-политическое единство собственности и свободы. И вместе с тем на несовместимость их с всевластием государя-вотчинника. Очевидно в этой связи, что несовместимость состояния вотчинного государства с важнейшими

характеристиками сущности человека и его культуры, которыми являлись свобода и собственность, была выражена Плехановым острее и четче, чем во всей предшествовавшей отечественной историографии. Отсюда возникала основа для четкого обоснования того, что состояние вотчинного государства в России продолжалось и после объединения русских земель вокруг Москвы, и сохранялось после Смуты.

Плеханов не считал вотчинное государство в России уникальным явлением. Со ссылкой на Ж. Бодэна он отмечал, что то же самое было в древней Персии, «где все принадлежало царю и где все жители были его рабами». Во времена Бодэна она «встречается в Азии, в Эфиопии и даже в Европе: в Турции, в Татарии и в Московии». Но Плеханов не относил такие государства к тираниям. «Тиран тот, кто попирает законы своей страны, а вотчинный монарх может быть вполне законным государем» [Плеханов, 1925, с. 165], — замечал он. Позитивной оценки системы в этом не заключалось. Напротив, ввиду своего соответствия правовой традиции такая система обеспечивала для государственной власти еще более прочную власть над населением, чем исторически приходящая тирания.

Плеханов обращал внимание на различие между вотчинным государством и восточным деспотизмом. По его оценке, положение населения Московской Руси XVI в. было еще хуже и тяжелее, чем в деспотиях Востока. Объяснял он это внешним фактором, участием ее в войне против экономически более развитых стран Европы, тогда как странам Востока не приходилось в то время вести такой войны. Это заставляло власти предельно концентрировать средства на такую войну и «наложить гораздо более тяжелое иго на свое закрепощенное население» [Плеханов, 1925, с. 88], чем в восточных деспотиях. Так происходило в России во время Ливонской войны. По-видимому, это положение, высказанное Плехановым, представляет значительный интерес, однако оно нуждается в одной, по крайней мере, поправке. Такая восточная деспотия, как Османская империя, находилась в состоянии многовекового противостояния с западноевропейским миром, но ее положение в свете этой борьбы требует специального изучения. Теория вотчинного государства в Московской Руси в интерпретации Плеханова означала указание на глубину и прочность на русской почве исторической традиции политической несвободы и поголовного, или всеобщего, холопства.

Труд Г. В. Плеханова представлял собой образец марксистского исторического исследования, в котором теория вотчинного государства нашла свое место в анализе общественных отношений в Московской Руси, признававшихся в свете формационной метатеории в качестве отношений феодальных. В этой связи Плехановым была заложена одна из традиций в отечественной марксистской историографии, согласно которой теория вотчинного государства, зародившаяся в дореволюционной русской историографии, органично и прочно вписывалась в социально-исторический марксистский анализ.

Тем не менее, в советской историографии теория вотчинного государства по существу не имела последователей. Одна из причин этого — в четком разделении понятий о государстве и о вотчине. Так, понятие вотчины относилось к социально-экономической сфере, или к базисным отношениям. Государство же относилось к политической

надстройке общества. Следовательно, на пути признания возможности существования в Московской Руси вотчинного государства стояло разделение их на категории социально-экономическую и политическую, что вообще очень характерно для формационной и классовой метатеорий. Неспособность соединить эти две категории было свидетельством определенной догматизации научного сознания советских историков, что в целом объяснялось необходимостью опираться на единственную метатеорию. Поэтому обращение отечественной историографии после советского периода ее развития к положениям этой теории предполагало преодоление такой догматизации и обращение к некоторым положениям дореволюционной русской историографии. Еще одной причиной невнимания советских историков к теории вотчинного государства было то, что в ней выделялись прежде всего такие особенности исторического развития Московской Руси, которые показывали ее в весьма негативном свете. И действительно, в этой теории обращается внимание на сочетание неограниченного самодержавного самовластья и всеобщего холопства как очень существенных черт русского средневековья. В условиях, когда существование Советского Союза на международной арене происходило при остром идеологическом противостоянии, когда целый ряд западных историков и мыслителей выявляли культурно-исторические корни советского тоталитаризма, теория вотчинного государства не могла не казаться сомнительной или враждебной с точки зрения политики и идеологии. Идеологов советского времени не могла не настораживать мысль американского историка Р. Пайпса о сущности, глубоких корнях и длительности существования вотчинного государства, о влиянии его на последующее развитие страны. Пайпс отмечал: «Превращение России в вотчину своего правителя заняло два столетия. Процесс этот начался в середине XV в. и завершился в середине XVII в.» [Пайпс, 2004, с. 121] При таком понимании вотчинного государства могли возникать сопоставления с позднейшим состоянием страны, в том числе советского времени.

Обращение к этой теории заметно в трудах Л.В. Черепнина. Он указывал, что по духовной грамоте Ивана Калиты, «согласно феодальному государственному праву Московского княжества, Москва находилась в совместном владении всех князей московского дома». Из этого вытекало, что «удельные князья обладали правом суда над населением Москвы» [Очерки, 1953, с. 156]. Выделение удельным князьям долей в пределах Москвы, о котором говорил Черепнин, напоминало выделение собственником-вотчинником долей своим наследникам. С Москвой, таким образом, великий князь московский поступал не как с государством, но как с вотчиной, разделяя ее среди сыновей-наследников. Черепнин указывал, что положение стало меняться с конца XIV в. Раздел Москвы между сыновьями-наследниками великого князя не отменялся. Но он уже очень существенно ограничивался, поскольку другие наследники, помимо старшего сына, становившегося великим князем, не получали полные права вотчинника в своих владениях. Еще одним признаком вотчинного государства были «купли» Ивана Калиты [Черепнин, 1960, с. 511], на которые указывал Черепнин. Но подобные «купли» были способом приобретения земель на правах вотчины.

А.А. Зимин при характеристике духовной грамоты Дмитрия Донского 1389 г. указывал в своей позднейшей монографии «Витязь на распутье» на соединение

великокняжеской власти и собственности на свой удел. По словам Зимина, «говоря о переходе своего удела к следующему по старшинству сыну, он как бы осторожно внушал мысль, что и великое княжение должно перейти к нему» [Зимин, 1991, с. 8]. В этих словах совершенно четко выражена мысль о соединении власти и собственности в Московской Руси.

В советской историографии позднейшего времени и в современной российской историографии вновь обозначился интерес к теории вотчинного государства. На соединение власти и собственности в Московском государстве XV–XVI вв. обращал внимание В. Б. Кобрин. Он отмечал, что для ярославских князей Кубенских потеря положения удельного князя как мелкого государя вела к потере тех вотчинных земель, которые традиционно были в руках этого княжеского рода. После этого присоединения положение князей Кубенских вообще стало совершенно иным. Потомки родоначальника, князя Семена Ивановича, были уже не самостоятельными удельными князьями, но «московскими боярами и воеводами» [Кобрин, 1985, с. 67]. Тем самым свой политический статус они утратили. Некоторые положения этой теории приводил Р. Г. Скрынников. «Примитивный строй организации московской государственной власти лишал ее необходимой устойчивости. Владетелем государства – отчины – выступала вся княжеская семья, которую после смерти князя формально возглавляла ее вдова. Она улаживала конфликты между сыновьями, делила между ними выморочные удельные княжества и пр.» [Скрынников, 1997, с. 160], – указывал он. Таким образом, Скрынников четко указал на единство в условиях Московской Руси государства и вотчины. Он правильно подчеркнул, что подобная организация государства была примитивной, и четко указал на эту характерную черту системы и одновременно на ее недостаток. Он, кроме того, раскрыл, в чем состояла примитивность такой организации государственной власти. Заключалась она в том, что опиралась эта власть на семейные отношения и была исключительно семейным делом, в котором на княгине-вдове лежала такая важная функция, как улаживание семейных конфликтов, от которых страдало все великое княжество.

Очень заметную роль играла теория вотчинного государства при характеристике процесса становления самодержавия в России И. П. Ермолаевым. Он прямо заявлял: «Российское самодержавие является фактически политическим строем, в основе которого лежит вотчинный принцип управления. Это – “вотчинное государство”, которое создается в ответ на политическую (военную прежде всего) необходимость». Причины возникновения вотчинного государства Ермолаев объяснял не традициями княжеских семей, но политическими и военными потребностями московской власти. Политическая потребность заключалась в объединении под своей властью всех русских земель. Военная задача заключалась в свержении ханской власти и в обеспечении независимости страны. Нет сомнения в том, что смысл вотчинного государства был связан с необходимостью решения этих исторических задач. Но это не значит, что вотчинное государство возникло вне какой-либо связи с семейными интересами великих князей московских. На это прямо указывают великокняжеские духовные грамоты, а историки не раз обращали на это обстоятельство свое внимание.

Характеристика вотчинного государства Ермолаевым крайне негативная. В нем «нет ни официальных ограничений политической власти, ни законопроявия, ни личных свобод, т.е., фигурально говоря, это более “деспотическое государство”, чем сама “деспотия”» [Ермолаев, 2004, с. 11]. Такая оценка близка к оценке Г.В.Плеханова. При этом в условиях России подобное государство он считал очень устойчивым.

О вотчинном государстве в Московской Руси говорила Т.В. Черникова в своем исследовании о европеизации России до Петра I. Подобная тема предполагала необходимость сопоставления власти европейских монархов и московских вотчинных государей. Она отмечала, что германский император Фридрих II Штауфен заявлял правоведам: «Император — господин в политическом смысле, но не в смысле собственника». Таким образом, император признавал права подданных как собственников. Во Франции «с 1290 г. четко была разделена личная собственность короля и собственность государства». Даже в отсталой Испании XV в. правоведа мог заявить: «Королю вверено лишь управление делами королевства, а не господство над вещами, ибо имущества и права имеют публичный характер и не могут являться ничьей вотчиной». Наконец, как и Г.В. Плеханов, Т.В. Черникова обратилась к наследию французского мыслителя XVI в. Ж. Бодэна. Она подчеркивала слова Бодэна, «что главным критерием для различения законного короля от деспота (тирана) является то, что первый уважает право частной собственности своих подданных, а второй — нет». Подобные государства Бодэн, по словам Черниковой, «противопоставлял западноевропейским монархиям (даже тираническим) и выделял в особую группу “сеньориальных монархий” (la monarchie seigneuriale)». Такими «сеньориальными монархиями» Бодэн считал в Европе только два государства — Московию и Турцию [Черникова, 2012, с. 29]. Предпосылки образования вотчинного государства определила, указывала Черникова, «владими́ро-суздальская тенденция, в рамках которого произошло зарождение уклада вотчинного типа» [Черникова, 2012, с. 46]. Но окончательно оно сложилось «под воздействием восточного — ордынского влияния». И вообще, долгие годы власти Орды «сделали вотчинный уклад столбовой дорогой развития нашего общества» [Черникова, 2012, с. 846]. Благодаря тому, что сложилась система «социальных отношений, построенная по принципу “государь — холопы”», на Руси возник, отмечала Черникова, «менталитет, резко контрастирующий с менталитетом западноевропейцев XV–XVII вв. Аксиомой русского менталитета было представление о России как о личной вотчине ее монарха». Черникова в полной мере соглашается с бароном С. Герберштейном, послом императора Максимилиана I, дважды посетившим Россию при Василии III, который, описывая страну, «констатировал: “Все люди считают себя холопами, то есть рабами своего государя”» [Черникова, 2012, с. 45].

Черникова не вполне четко определяла хронологические рамки завершения существования в России вотчинного государства. По ее словам, «до Смуты начала XVII в. в России не отделяли понятие “государства” от личности монарха, да и потом размежевание не отличалось четкостью» [Черникова, 2012, с. 45]. Такое сознание она считала архаичным и очень устойчивым, а отдельные черты его она прослеживала в Российской империи XIX в.

Современный социолог Р.А. Лубский, подводя своеобразный итог изучению теории вотчинного государства в отечественной исторической мысли, выделил общие черты такого государства. Особенности его он видел «отождествление государя и государства, тотальное холопство». В основе этого государства находились принципы «властоцентричности и сильной государственной власти, авторитарно-властного господства, служения государю, единства государственной власти и собственности, служебно-раздаточного хозяйства», а также «принцип кормить и править» [Лубский, 2014, с. 9].

Теория вотчинного государства пережила, таким образом, период зарождения и распространения в отечественной исторической мысли, период ухода на второй план и даже отчасти забвения, и период своего возрождения. Интерес к ней в историографии нашего времени объясняется возможностью с опорой на нее понять особенности российской истории и исключительную устойчивость системы и ее традиций, основы которой сохраняются веками. В этой связи дальнейшее исследование отечественной истории в свете этой теории имеют научную перспективу.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Ермолаев И.П. Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. 393 с.
- Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 288 с.
- Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989а. С.11–67.
- Кавелин К.Д. Мысли и заметки о русской истории // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989б. С.171–255.
- Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.2. // Ключевский В.О. Сочинения в 8-ми т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1957а. 468 с.
- Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.3 // Ключевский В.О. Сочинения в 8-ми т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1957б. 426 с.
- Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV-XVI вв.). М.: Мысль, 1985. 279 с.
- Лубский Р.А. Российская государственность как предмет концептуального мышления // Философия права. 2014. № 6. С. 9–13.
- Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. СПб.: Лань, 2002а. 479 с.
- Любавский М.К. Русская история XVII–XVIII веков. СПб.: Лань, 2002б. 575 с.
- Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674). М.: Европа, 2006. 241 с.
- Очерки истории СССР. XIV–XV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 811 с.
- Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2004. 494 с.
- Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. 736 с.

- Плеханов Г.В. История русской общественной мысли // Плеханов Г.В. Сочинения. Т.20. М.: Гос. изд-во 1925. 363 с.
- Рожков Н.А. Происхождение самодержавия в России // Рожков Н.А. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 211–419.
- Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти т. Т.3. Акты земских соборов. М.: Юрлит, 1985. 511 с.
- Скрынников Р.Г. История Российская. IX–XVII вв. М.: Весь мир, 1997. 496 с.
- Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М.: Тип. Императорского Московского ун-та, 1912. 342 с.
- Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года, в двух частях. Петрозаводск: Корпорация «ФОЛИУМ», 1997. 957 с.
- Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Соцэкгиз, 1960. 899 с.
- Черникова Т.В. Европеизация России во второй половине XV–XVII веках. М.: МГИМО-Университет, 2012. 944 с.
- Шмурло Е.Ф. История России IX–XX вв. М.: Вече, 2005. 434 с.

REFERENCES

- Yermolayev I.P. *Stanovleniye Rossiyskogo samoderzhaviya. Istoki i usloviya yego formirovaniya: Vzglyad na problemu* [Formation of the Russian autocracy. The origins and conditions of its formation: A glance at the problem]. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2004. 393 p. (in Russian).
- Zimin A.A. *Vityaz' na rasput'ye. Feodal'naya voyna v Rossii XV v.* [Knight at the crossroads. Feudal war in Russia XV century]. M.: Mysl', 1991. 288 p. (in Russian).
- Kavelin K.D. *Vzglyad na yuridicheskiy byt drevney Rossii* [A look at the legal life of ancient Russia], in Kavelin K.D. *Nash umstvennyy stroy. Stat'i po filosofii russkoy istorii i kul'tury* [Our mental system. Articles on the philosophy of Russian history and culture]. M., 1989a. Pp.11–67 (in Russian).
- Kavelin K.D. *Mysli i zametki o russkoy istorii* [Thoughts and notes on Russian history], in Kavelin K.D. *Nash umstvennyy stroy. Stat'i po filosofii russkoy istorii i kul'tury* [Our mental system. Articles on the philosophy of Russian history and culture]. M., 1989b. Pp.171–255 (in Russian).
- Klyuchevskiy V.O. *Kurs russkoy istorii. Ch.2* [Course of Russian History. Part 2], in Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya v 8-mi t.* [Compositions in the 8th t.]. T. 2. M.: Gospolizdat, 1957a. 468 p. (in Russian).
- Klyuchevskiy V.O. *Kurs russkoy istorii. Ch.3* [Course of Russian History. Part 3], in Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya v 8-mi t.* [Compositions in the 8th t.]. T.3. M.: Gospolizdat, 1957b. 426 p. (in Russian).

- Kobrin V.B. *Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoy Rossii (XV-XVI vv.)* [Power and property in medieval Russia (XV–XVI centuries.)]. M.: Mysl', 1985. 279 p. (in Russian).
- Lubskiy R.A. Rossiyskaya gosudarstvennost' kak predmet kontseptual'nogo myshleniya [Russian statehood as the subject of conceptual thinking], in *Filosofiya prava*. 2014. № 6. Pp. 9–13.
- Lyubavskiy M.K. *Lektsii po drevney russkoy istorii do kontsa XVI veka* [Lectures on ancient Russian history until the end of the XVI century]. SPb.: Lan', 2002a. 479 p. (in Russian).
- Lyubavskiy M.K. *Russkaya istoriya XVII–XVIII vekov* [Russian history of the XVII–XVIII centuries]. SPb.: Lan', 2002b. 575 p. (in Russian).
- Mechta o russkom yedinstve. Kiyevskiy sinopsis (1674)* [A dream of Russian unity. The Kiev Synopsis (1674)]. M.: Yevropa, 2006. 241 p. (in Russian).
- Ocherki istorii SSSR. XIV–XV vv.* [Essays on the history of the USSR. XIV–XV centuries]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1953. 811 p. (in Russian).
- Payps R. *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the old regime]. M.: Zakharov, 2004. 494 p. (in Russian).
- Platonov S.F. *Lektsii po russkoy istorii* [Lectures on Russian history]. M.: Vysshaya shkola, 1993. 736 p. (in Russian).
- Plekhanov G.V. *Istoriya russkoy obshchestvennoy mysli* [History of Russian social thought], in Plekhanov G.V. *Sochineniya* [Compositions]. T.20. M.: Gos. Izd-vo, 1925. 363 p. (in Russian).
- Rozhkov N.A. *Proiskhozhdeniye samoderzhaviya v Rossii* [The Origin of Autocracy in Russia], in Rozhkov N.A. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. M.: ROSSPEN, 2010. Pp. 211–419 (in Russian).
- Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX vekov. V 9-ti t. T. 3. Akty zemskikh soborov.* [Russian legislation of the X–XX centuries. In the 9th vols. Vol. 3. Acts Zemsky Sobor]. M.: Yurlit, 1985. 511 p. (in Russian).
- Skrynnikov R.G. *Istoriya Rossiyskaya. IX–XVII vv.* [History Russian. IX–XVII centuries]. M.: Ves' mir, 1997. 496 p. (in Russian).
- Tel'berg G.G. *Ocherki politicheskogo suda i politicheskikh prestupleniy v Moskovskom gosudarstve XVII veka* [Essays on political court and political crimes in the Moscow state of the XVII century]. M.: Tip. Imperatorskogo Moskovskogo univ-ta, 1912. 342 p. (in Russian).
- Ustryalov N.G. *Russkaya istoriya do 1855 goda, v dvukh chastyakh* [Russian history until 1855, in two parts]. Petrozavodsk: Korporatsiya "FOLIUM", 1997. 957 p. (in Russian).
- Cherepnin L.V. *Obrazovaniye Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vekakh. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rusi* [Formation of the Russian centralized state in the XIV–XV centuries. Essays on the socio-economic and political history of Russia]. M.: Sotsekgiz, 1960. 899 p. (in Russian).
- Chernikova T.V. *Yevropaizatsiya Rossii vo vtoroy polovine XV–XVII vekakh* [Europeisation of Russia in the second half of the XV–XVII centuries]. M.: MGIMO-Universitet, 2012. 944 p. (in Russian).
- Shmurlo Ye.F. *Istoriya Rossii IX–XX vv.* [History of Russia IX–XX centuries]. M.: Veche, 2005. 434 p. (in Russian).